

УДК 331.548

ЛУКАШОНОК Ирина Вячеславовна, доктор социологических наук, доцент, директор инновационного центра профессиональной ориентации и дополнительной подготовки Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 28 научных публикаций, в т. ч. одной монографии и 4 учебно-методических пособий

НЕОИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

В статье акцентируется внимание на определении понятия «социальные изменения», раскрывается их влияние на структурные изменения социальных институтов, на перемены принципов взаимодействия между социальными субъектами. Обращается внимание на роль человеческого фактора, оказывающего влияние на институциональную среду, а также формальных правил и неформальных ограничений.

Ключевые слова: социальные институты, эволюционный рационализм, институциональный рынок, институциональное проектирование, институциональная матрица.

Институциональный подход широко применяется при анализе механизма социальных изменений. Под социальными изменениями в социологии принято понимать различные изменения на всех уровнях общества, касающиеся социальных систем, социальной стратификации, социальных общностей, социальных процессов, институтов, организаций и их взаимодействий. Выделяются четыре основных вида социальных изменений, которые в той или иной степени выступают результатом институциональных изменений. Так, структурные социальные изменения предполагают структурные изменения социальных институтов, а процессиальные изменения невозможны без перемен принципов взаимодействия между социальными субъектами различного рода.

Функциональным социальным изменениям предшествуют изменения функций различных социальных институтов, а мотивационным социальным изменениям – изменения в идеологической институциональной структуре.

Основными вариантами институциональных изменений являются дифференциация социальных институтов и перерегуляция институциональных связей¹. При дифференциации происходит специализация предметной области институциональных связей, создаются специальные учреждения, разрабатываются специальные технологии, а также специальные нормы и правила социального взаимодействия. В случае перерегуляции института изменяются исходные принципы «ориентации на другого», а также базисные нормы взаимодействия.

Слабым местом структурно-функционалистского метода является неразработанность вопроса институциональных изменений ввиду его ориентированности на стабилизацию социальных структур. Дело в том, что необходимо объяснить, как в институционализированном обществе с прочной системой рутинных социальных взаимодействий происходит разрушение старых и формирование новых социальных институтов. Динамика социальной жизни XX века. Позволила социологам пересмотреть веру классиков в «железобетонность» как отдельных институтов, так и всей институциональной структуры общества. Так, патриарх отечественной социологии В.А. Ядов полагает, что социальные институты «постоянно меняются, они не столь устойчивы, как это представлялось Э. Дюркгейму <...> и <...> К. Марксу...»².

А.Г. Эфендиев указывает на следующие трудности в изменении социальных институтов. Во-первых, любое изменение в социальном институте должно в определенной степени дублироваться изменениями в значительной части цепи института. Во-вторых, изменения возможны при относительной синхронизации действий всех участников институционального взаимодействия. В-третьих, обязательным условием выступает легитимизация процесса изменения социальных институтов. Нетрудно заметить сложность выполнения приведенных условий, главным из которых является «риск непредсказуемости, неизвестности, возможного ухудшения положения вещей. Поэтому люди редко соглашаются на серьезные изменения социальных институтов, пока принятый порядок вещей способен в целом удовлетворить их потребности»³.

Отмеченные трудности определяют во многом и основные факторы институциональных изменений: 1) сила признания людьми их необходимости и согласия (в активной или пассивной форме) на установление новых форм, т. е. делегитимизация прежних норм и придание легитимности новым; 2) сила власти, способная выступить нормотворческой силой, синхронизировать процесс изменения поведения основных участников институциональных

взаимодействий, опираясь на авторитет или насилие. «При этом, – подчеркивает А.Г. Эфендиев, – власть сама по себе не может обеспечить признание этих изменений необходимыми, т. е. обеспечить их легитимизацию, но может использовать свои ресурсы убеждения, подавления сопротивления инакомыслящих, поддержки своей мощью, предоставлением привилегий, льгот новым образцы статусно-ролевого поведения»⁴.

Проблемы реформирования постсоветского российского общества актуализировали теоретические поиски, в том числе и в рамках институционального подхода. Общий вывод сторонников последнего состоит в указании на то, что построение нового общества невозможно без наличия соответствующих институциональных предпосылок. Наибольшее внимание исследователей уделяется вопросам построения социальной рыночной экономики в России. В этом плане отмечается отсутствие в российском обществе необходимого уровня доверия между экономическими агентами для минимизации транзакционных издержек и повышения эффективности производства. Кроме того обращается внимание на человеческий фактор и институциональную среду, отторгающие импортируемые экономические институты, а также на наличие системной связи социальных институтов и сопротивление институциональных матриц.

В этой связи представляет интерес анализ экономических реформ в Польше, проведенный одним из их идеологов Л. Бальцеровичем. Он обратил внимание на необходимость выделения и сопоставления относительно независимых друг от друга социальных институтов и человеческого фактора, полагая, что характер взаимодействия этих явлений определяет результаты реформ. Актуальность подобного подхода очевидна для понимания неудач российских реформ, где институциональные изменения, осуществляемые «сверху», не принимают во внимание обратные сигналы со стороны социума и не учитывают социально-психологические аспекты перехода к новым институтам. Итак, польский реформатор четко проводит

границу между институциональными формами, к которым он относит рыночные изменения в законодательстве, рыночные институты и определяемые ими социальные механизмы – выборные в политической сфере и рыночные в экономической. Данные институты «задают для каждого человека определенную роль, в рамках которой он должен действовать, принимать решения (например, роль наемного работника, менеджера, собственника, чиновника). В эти решения человек привносит свои внутренние предпосылки, не зависящие от институтов. Таким образом, экономическое поведение человека обусловлено не только институциональной ролью, которую он выполняет, но и тем, каков сам человек»⁵.

Важно отметить, что Бальцерович различает две категории человеческих предпосылок – инвариантные и изменчивые. Однако этот принципиальный аспект современного институционализма является слабо разработанным, что не позволяет в его рамках корректно рассматривать причины торможения российских реформ. По мнению Ю. Ольсевича, институциональные реформы, не учитывающие специфику социально-психологических и материальных условий страны, обречены на неудачу. Отметим, что на данную болевую точку с разных сторон указывают многие социологи. Так, польский социолог М. Мароди предостерегает: «Основная проблема, которую должны осознать реформаторы, связана с тем, что повседневные действия людей будут моделироваться привычками, сформированными в ходе социального опыта, радикально отличного от того, который должен составить сущность наших новых институтов»⁶. Отметим и позицию известного неoinституционалиста Д. Норта, обращающего внимание на то, что институты включают в себя в принципе легко и быстро изменяемые формальные правила (изменения в конституции, законодательстве, локальных правилах) и достаточно устойчивые неформальные ограничения (нормы, соглашения, личные стандарты честности). «Несовместимость формальных правил и неформальных ограничений (что мо-

жет быть результатом глубины культурного наследия, в рамках которого были выработаны традиционные способы разрешения основных проблем обмена) порождает трения, которые могут быть ослаблены путем перестройки всех ограничений в обоих направлениях, и тогда будет достигнуто новое равновесие, значительно менее революционное, чем риторика перемен»⁷.

Существенный вклад в изучение процесса институциональных изменений внесли сторонники неoinституционализма. Они исходили, в частности, из того, что так как институты направлены в конечном счете на «выживание» людей, их групп и самого общества, то аналогично дарвиновскому естественному отбору, история человечества сопровождается отбором наиболее эффективных с точки зрения их адекватности и эффективности социальных институтов. Такой позиции придерживался Ф. Хайек. Однако представитель «старого» институционализма Дж. Ходжсон указывал на существование так называемого хреодного эффекта, приводящего к устойчивости институтов с неоптимальными признаками. Отечественный сторонник неoinституционального подхода А. Нестеренко приводит в этой связи пример социоэкономической системы бывшего СССР, имманентными характеристиками являются ригидность и неререформируемость.

Важным тезисом неoinституциональной теории выступает положение об эволюционном характере процесса изменений как отдельных социальных институтов, так и институциональной структуры общества. Как подчеркивает А. Нестеренко, в данном случае эволюция понимается как «процесс изменения институтов и не содержит оценочного суждения о скорости или постепенности этих изменений». При этом преобладающим типом этого процесса считается тип, называемый *part dependence*, при котором происходит, с одной стороны, воспроизводство старых социокультурных институтов, с другой – накопление в них некоторых изменений. Сначала изменения накапливаются в наименее устойчивом внешнем их слое, затем при определенных условиях могут затронуть

и более устойчивый внутренний слой. Вторым типом институциональных изменений, называемый *part independence* и означающий потерю социальной памяти (полная независимость от прошлого), приводит к революционным переменам в социальной системе. В третьем типе *part deterinanse* изменение социальных институтов находится в полной зависимости от прошлого.

Другое положение неoinституционализма касается вопроса о происхождении институтов, в котором придерживаются принципа эволюционного рационализма. Согласно нему генезис и развитие институтов выступает результатом их спонтанной самоорганизации, направляемой интересами рациональных субъектов. Сущность этого процесса призван отразить концепт «институциональный рынок», или «рынок институтов», один из авторов которого С. Пейович понимал процесс, позволяющий «индивидам выбирать правила игры в их сообществе. Посредством своих добровольных взаимодействий индивиды оценивают уже существующие правила, определяют и проверяют пригодность новых. Важнейшей функцией этого конкурентного рынка выступает, следовательно, поощрение институциональных инноваций и форм адаптивного поведения»⁸.

Вместе с тем нельзя упускать из виду признание неoinституционалистами существования двух классов социальных институтов – естественные институты представляют собой результат «автоматической» реакции людей на какие-то изменения, а искусственные – реализацией некоего идеального плана, пусть и претерпевшего в ее ходе определенные отклонения от первоначального варианта. Т. е. в первом случае имеют место непредзаданные изменения, во втором – прогнозируемые. Социально-исторический анализ показывает, что в стабильных состояниях общества преобладает естественный вариант появления новых институтов, в нестабильных и переходных – искусственные. Это обстоятельство – недостаточность естественных институтов в периоды кардинальных общественных перемен – обусловило расширение тематики неoinституционализма в

виде институционального проектирования, являющегося разновидностью планируемой культурной инновации. Как отмечает В.Л. Тамбовцев, успех последней зависит, во-первых, ее соответствия элементам культурной среды, во-вторых, от признания ее социально конкурентноспособной, т. е. более эффективной в сравнении с действующими институтами, отражаемой в понятии «институциональная сделка» (согласие общества на деятельность нового социального института).

Данный отечественный исследователь выделяет пять основных принципов институционального проектирования⁹.

1. Принцип этапной полноты проекта. Данный принцип предполагает:

а) определение цели проекта (изменения, последующие в результате «запуска» нового института); б) разработка вариантов достижения цели (формирование социальных структур, деятельности которых обеспечит функционирование нового института); в) формирование критериев отбора вариантов (обеспечение реализации цели проекта при минимальных транзакционных издержках, учет ресурсной обеспеченности проекта и ожидаемого времени по его реализации, выбор наилучшего варианта, детализация и оформление выбранного варианта).

2. Принцип компонентной полноты проекта. Система компонентов проекта должна включать в себя: объект воздействия; средства воздействия на объект; субъект деятельности: знания субъекта о средствах изменения объекта; цели, мотивы и стимулы действий субъекта; условия, формы и способы соединения вышеуказанных компонентов, а также последовательность их размещения, обеспечивающая действия проекта.

3. Принцип достаточного разнообразия стимулов. Требования этого принципа состоят в необходимости создания конструкции, которая бы обеспечила максимальную вероятность достижения цели проекта. При этом существует два способа: разработка системы стимулов для конкретных субъектов или разработка множества стимулов, предоставляя возможность выбора из них самому субъекту. Первый

способ «утяжеляет» конструкцию и увеличивает транзакционные издержки, второй – наоборот, ее «облегчает» и снижает издержки.

4. Принцип максимальной защищенности от девиантного (оппортунистического) поведения, или принцип полноты учета интереса всех предполагаемых участников института. Девиантное поведение возникает прежде всего при наличии опосредованного обмена (формальное исполнение требований и реальное невыполнение необходимых действий, например, феномен «работы на показатель»), при нечеткости, неопределенности функций и действий, выступающих объектом обмена для участников института, и средств получения ими соответствующих выгод.

жившуюся систему базовых институтов, регулирующих экономическую, политическую и идеологическую подсистемы общества. Все многообразие институциональных комплексов опирается на одну из двух институциональных матриц – Х-(восточные) и Y-(западные), различающихся содержанием базовых институтов. «Две эти матрицы задают различное устройство общественного бытия, представляют собой два альтернативных типа «универсального консенсуса» (выражение О. Конта), в которых обнаруживает себя интегрированная социальная жизнь»¹¹ (см. *таблицу*). Х-матрица присуща таким странам, как Россия, Китай, Египет, страны Азии и Южной Америки, Y-матрица – США и большинству стран Европы.

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ «ЗАПАДНОЙ» И «ВОСТОЧНОЙ» ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМИ МАТРИЦАМИ

Основные сферы	«Запад»	«Восток»
Экономика	Институты рынка	Институты нерыночной экономики
Политика	Институты федерации	Институты унитарно-централизованного государственного устройства
Идеология	Субсидиарность	Коммунитарность

5. Принцип соучастия требует самого широкого соучастия всех возможных его участников на всех стадиях формирования института.

Понятие институциональной матрицы является еще одним важным элементом неoinституционализма. Первым это понятие стали использовать К. Поланьи (без раскрытия содержания) и Д. Норт. Последний понимал ее, во-первых, как комплекс зависимых друг от друга правил и неформальных ограничений, определяющих деятельность людей, во-вторых, как особенности социальных институтов конкретного общества. Т. е. любому обществу присуща своя исторически сложившаяся институциональная матрица, которая ограничивает варианты возможных социальных изменений.

Разработка концепции институциональной матрицы принадлежит С.Г. Кирдиной¹⁰, определяющей ее как устойчивую, исторически сло-

Основными свойствами институциональных матриц являются: комплиментарность – взаимно однозначное соответствие базовых институтов; принцип доминирования базовых институтов, функционирующих спонтанно, над альтернативными институтами, деятельность которых требует целенаправленных усилий социальных субъектов; инвариантность по отношению к внешним и внутренним воздействиям, т. е. сохранение природы институциональной матрицы и невозможность перехода от Х к Y-матрице и наоборот. Отсюда вытекает оригинальное объяснение социальных революций, которые на самом деле представляют собой «спонтанное возвращение общественных структур к исходной институциональной матрице, деформированной вследствие внешнего вмешательства или неосознанных действий социальных субъектов внутри страны»¹². Классическим примером

действия принципа инвариантности институциональной матрицы может служить феномен перехода российского общества к Y-матрице в конце XIX – начале XX века.

Примечания

¹ Эфендиев А.Г. Социальные институты: структуры повседневности // Общая социология: учеб. пособие. М., 2002. С. 214–271.

² Ядов В.А. теоретическая социология в России: проблемы и решения // Общество и экономика. 1999. № 3–4. С. 313–314.

³ Эфендиев А.Г. Указ соч. С. 245.

⁴ Там же. С. 247.

⁵ Ольсевич Ю. Институционализм – панацея для России? // Вопр. экономики. 2009. № 6. С. 37.

⁶ Цит. по: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 306.

⁷ Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопр. экономики. 2007. № 3. С. 10.

⁸ Цит. по: Тамбовцев В.Л. Институциональный рынок как механизм институциональных изменений // Обществ. науки и современность. 2001. № 5. С. 26–27.

⁹ Тамбовцев В.Л. Теоретические вопросы институционального проектирования // Вопр. экономики. 2007. № 3. С. 85–94.

¹⁰ Кридина С.Г. Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная гипотеза // Социолог. исследования. 2001. № 2. С. 13–23.

¹¹ Там же. С. 18.

¹² Там же. С. 21.

Lukashonok Irina Vyacheslavovna

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Center of Vocational Guidance and Additional Training

NEW INSTITUTIONALISM AND SOCIAL CHANGES THEORIES

The article focuses on the definition of "social changes", revealing their influence on structural changes in social institutions and changes in principles of interaction between social subjects. The article draws attention to human factor influence on institutional environment as well as to formal rules and informal constraints.

Key words: *social institutions, evolutionary rationalism, institutional market, institutional design, institutional matrix.*

Контактная информация:
e-mail: i.lukashonok@narfu.ru

Рецензент – Ульяновский В.И., доктор социологических наук, профессор кафедры государственного, муниципального управления и менеджмента института экономики и управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова